

Артур Скопио

**Давай, за нас с
тобой!**

Артур Скопио

Давай, за нас с тобой!

«Издательские решения»

Скопио А.

Давай, за нас с тобой! / А. Скопио — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856881-7

Рыцари-тамплиеры, Столетняя война, Жанна д'Арк, Куликовская битва:
всё соединилось в рассказе Сюзанна. Всё в этой книжке от первого лица: я
старался быть честным. Надеюсь, вам понравится.

ISBN 978-5-44-856881-7

© Скопио А.
© Издательские решения

Содержание

В Челябинске морозно	6
Старик Хоттабыч	19
Сюзанна	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Давай, за нас с тобой!

Артур Скопио

© Артур Скопио, 2017

ISBN 978-5-4485-6881-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Привет. Это вступление. Хочу попросить об одном деле: если тебе нет 20-ти лет, пожалуйста, отложи это чтение до следующего раза, ладно? Я тоже был когда-то молодым и думал, что возраст не имеет значение, но прошли года: поверь – имеет. Тут есть вещи, о которых я могу рассказать, когда тебе будет больше 20. По-другому не надо

Артур Скопио

В Челябинске морозно

С досадой выключаю телевизор: опять проиграли. Понаберут гастролёров и думают, что они будут биться за честь города. Только деньги, деньги, деньги. Всегда же играли своими парнями и как играли.

Ладно, давно уже пора спать: в четыре подъём. Ложусь, укрываюсь одеялом и закрываю глаза. Проходит час, два, но сон не приходит. Никак не могу себя заставить уснуть. Кажется, так просто – закрой глаза и спи: а не спится! Встаю, достаю из холодильника мёд, масло. Нарезаю батон, намазываю его маслом и мёдом – ем и запиваю тёплой водой и после ложусь опять под одеяло. Всё равно нет сна. Лежу. Стало тепло и неожиданно слышу каждый звук, каждую ноту «Лэди ин ред» Крис де Бурга, «Лид ми до» Маккартни. Очень четко чувствую запах длинных скрипучих досок сцены и аромат больших театральных занавесей. Выхожу на середину, глажу струны гитары. Каждая клетка моего тела с замиранием и с восторгом слышит битловскую «Пусть будет так». Затем «Уходишь ты» Ариэля сменяется лучшими аккордами РЕМа и Бон Джови и дальше «Зачарована, околдована». Чувствую, что весь наполненный красивой музыкой, я, счастливый, завис в воздухе. Вдруг, как мощный взрыв – пауза! Все ноты разлетелись по самым дальним звёздам вселенной – тишина ураганной мощи и такая покорность безвыходности...

Вот, ноты плавно и быстро возвращаются, объединяются в аккорды и все вместе: «Я прошу тебя суметь забыть», Смоки и Поль Мориа. Всё так здорово! В Зонтиках появилось звучание не такт. Не понял. Прислушиваюсь внимательно: точно это не совпадает с мелодией. Пытаюсь понять, что за звук. В муках поиска открываю глаза: будильник!

Полежу ещё чуть-чуть. Вот это сон! Сколько в мире красивых мелодий! Я не про будильник.

Чара пролазит головой под одеяло и лижет мне плечо. Беру собаку и ложу её себе на грудь, глажу, целую: – «Давай ещё капельку полежим?»

Ну, ладно. Встаю. Включаю свет, ищу глазами икону, крещусь, благодарю Создателя, прошу его простить мои грехи и не отпускать меня от себя.

Делаю пару, тройку прыжков и поворотов, убираю постель, готовлю завтрак. Чара вертится под ногами. А кошка Муся терпеливо сидит у своей миски.

На улице морозно. Добираться до цеха далеко и долго – одеваюсь очень тщательно, весь укутываюсь. Во дворе, Чара, меняя лапы, танцует на трёх ногах, делает свои дела и пулей домой.

На остановке нас три человека. Стоим, мерзнем. Вот подъезжает наша спасительная маршрутка. В салон захожу последний, оплачиваю проезд и занимаю место у окна. Как холодно! Ну, ничего, сейчас нагреем. Закрываю глаза: минут 30, 40 можно поспать. Монотонный гул двигателя маршрутки дополняется звуками бас-гитары и ударных: Плыву в звуках приятной мелодии работающего мотора. Сон приходит быстро. Совершенно неожиданно четко вижу большие глаза Людмилы. С чего это вдруг я вспомнил о ней. Мой ангел – хранитель решил напомнить мне о давней знакомой, на которую он настоятельно просил обратить внимание, но я тогда пропустил мимо себя призыв ангела. Всё-таки, так приятно видеть Людмилу.

Сцена театра. Слышны шаги – неуверенные, на ощупь. Скрепят деревянные ступеньки... Наконец в слабо освещённом подвале возникают две фигуры. Входят молодой человек и девушка.

Минута растерянности в удручающе тёмном помещении.

– (робко) Эй... Есть тут кто-нибудь? (Девушка боязливо оглядывается) Отзовитесь...

Кто здесь?

– Нет тут никого. Молчи!

- А почему горит свеча?.. Кто её зажег?..
 - (нервно) Не знаю!
 - Мы здесь одни... (тоненьким голоском, стараясь скрыть страх и растерянность) Правда, хорошо?
 - (иронически) Великолепно!..
 - (растерянно повторяет). Совсем одни... Только ты да я.
 - И ещё солдат наверху. Он специально поставлен там следить, чтобы нам никто не мешал!
 - (деланно-беззаботным тоном). Чего ты вдруг так испугался?
 - (сдерживая злость). Может быть, до тебя ещё не дошло?? Мы а-ре-сто-ва-ны... И брошены в какой-то подвал, бог весть почему.
 - В какой-то подвал?.. Да ведь это гостиная Петрашей! (Она зажигает поочередно все семь свечей в канделябре.) Здесь они сидели... ели... Представь себе, каждый день они ели в гостиной! А мы даже в воскресенье обедаем на кухне. (Вдруг внимание девушки привлекает большая птичья клетка.) Что стало с Лорой? Боже мой, какая это была красавица! Мне было пять лет, когда меня впервые послали в магазин Петраша. Подхожу к двери, а за ней какой-то страшный голос... Я чуть в обморок не упала. А это Лора... первый попугай в моей жизни. (Она подходит к юноше и разлохмачивает ему волосы.) А второй – ты!..
 - Перестань! Ты действительно думаешь, что нас запихнули просто так, развлечения ради... чтобы ты могла тут болтать чепуху?!
 - А знаешь, почему я болтаю? Потому что боюсь. Да боюсь... Но я не хочу, чтобы это бросалось в глаза! Ты меня совсем не знаешь, Ондрей!
 - (пытаясь утешить её) Не бойся, Фанка... Что нам могут сделать? Ничего! Мы ведь тоже ничего не сделали...
 - Всё равно ты во всём виноват. Я хотела остаться ещё в парке, а ты не захотел!
 - Было холодно. Я думал, что вот-вот пойдёт снег...
 - Холодно?.. Это тебе... А мне... мне жарко!
 - Я хотел, чтобы в семь ты была дома.
 - И вот теперь я здесь! А мы могли бы ещё посидеть на скамейке! (Глядя на себя в зеркало.) Боже, какая я лохматая... (причесывается, поправляет юбку) И в этом тоже ты виноват... растреплешь... разгорячишь... а потом... потом ничего!
 - Боже мой, опять ты за своё?..
 - Но мы ведь всё равно поженимся, да? Если бы ты знал, как я считаю твои семестры! Может быть, и у нас будет когда-нибудь такой вот дом... такая комната, полная всяких красивых вещей... даже сад на склоне горы, чтобы зимой можно было покататься на санках...
 - Ну хорошо, Фанка... Хорошо, Франтишка-растрёпка... Может быть всё это сбудется или хоть что-нибудь сбудется... но только после войны!..
 - После... после! А что, если эта война...
 - Тише, не кричи!..
 - Я не кричу (Громко) А пока?.. Что мне делать, пока не кончится ваша идиотская война?..
 - (сердито) Что делать? Молчать, если ничего не понимаешь! Или ждать, как другие!
 - Ну ладно, буду ждать! (Усаживается скрестив руки на груди и замирает)
 - Ах, если бы ты выдержала так хоть одну минуту...
- Девушка с минуту сидит спокойно, потом быстро вскакивает, снимает с гвоздя противогаз, натягивает его и снова принимает ту же позу.
- Что ты делаешь? Не устраивай маскарада! (Подбегает к ней и срывает противогаз)

– Ты мне никогда ничего не разрешаешь! (Упрямо.) Обращаешься со мной, как с малым ребёнком, а я... я... (Она замолкает, заморожено смотрит в тёмный угол, туда, где стоит кровать, и вдруг умоляюще говорит.) Ты... Пойдём ляжем на эту кровать, Ондрей...

– Сейчас?.. Здесь?.. (Он вздыхает и стучит себя пальцем по лбу.) Что с тобой сегодня, скажи на милость?

– Сказать? Так слушай же. (Она медленно приближается к нему.) Почему ты меня боишься? Почему ты боишься... женщины? (Последнее слово застрекает у неё в горле.) Почему ты не хочешь меня...

– (насмешливо добавляет). ...любить? А разве я тебя не люблю?

– Разлохматить... разжечь!.. Вот и вся любовь!

– Перестань, пожалуйста. Ведь ты же ещё несовершеннолетняя.

– Это уж моё дело!

– И моё тоже! (Улыбаясь, примирительно.) Всё в своё время, Франтишка-растрепушка. (Он берёт её за руку и, раскачивая такт словам, приговаривает.) Растрёпа... глупенькая... зелёная...

– Вот уж извини! Зелёная?.. (Выпячивает грудь.) Ты что, слепой?.. На рождество мне будет шестнадцать.

– (спокойно, со знанием своего превосходства) Для чего же в таком случае существуют обручальные кольца... белая фата... и вообще – свадебное путешествие... свадебная ночь... Ты не хочешь фаты, Фанка?

– (покоряясь очарованию его слов.) Хочу... хочу... белую фату... прозрачную и длинную. (Вдруг замолкает, её томит какое-то предчувствие, страх.) А что если этого никогда не будет?.. Почему нас сюда запёрли? Когда нас выпустят из этого подвала?

– (беспомощно). Не знаю – почему... И не знаю – когда...

– (тихо) Я боюсь, Ондрик... Мне хочется прижаться к тебе... (Она тянет его за руку в угол, к кровати.) Пошли, хотя бы на минуту, прошу тебя... Я ещё ни разу в жизни не лежала рядом с парнем... Только на минуточку, и я отстану от тебя!

– Хорошо, но только в пальто... И только на минутку!..

Держась за руки, они медленно направляются к кровати. Девушка наивна и естественна. Она, как ребёнок, боится темноты подвала. Но вдруг Фанка испуганно вскрикивает: из-за кровати с большого кресла медленно поднимается тёмная мужская фигура.

На остановке Краснознамённой поднялась к входной двери женщина, и на её место рядом со мной упал какой-то «пельмень» и вдавил меня в окно. Резко разворачиваюсь и толкаю его плечом. Хотел натянуть его шапку ему на нос, но тип сидит смиренно, ну и я по тормозам. Закрываю глаза.

Ветеринар. (Шустек) (шипит на лесоторговца Фишла) Так это и есть... ваши... добрые известия? (Жестикулирует) Он останется здесь... и она... и я! (Кричит) Все мы должны здесь остаться! Так в чем же вы помогли нам, пан мой? Не делайте, черт возьми, из нас идиотов!

Фишл. (теряя самообладание, тоже кричит) Никто бы не помог вам, если бы не одна нелепая случайность... Понимаете, никто! Немецкая империя не привыкла прощать своим врагам. А я использовал эту случайность и сделал для вас всё, что мог, пан доктор!

Томко. (удивлённо) Случайность?..

Фишл. (поспешно) Убитый солдат был... пьян! В его шинели нашли пустую фляжку, а анализ крови подтвердил, что...

Шустек. ...что солдат нажрался? (В истерике.) Ну и что? Меня это не интересует!.. Так, где же Ваше доброе известие?

Фишл. (уже полон самообладания). Именно в этом! (Не обращая внимание на доктора, к Томко) Вы понимаете, пан учитель? Пьяный солдат – это плохой солдат, это недисциплинированный солдат. А немецкий солдат должен быть...

Томко. И как это меняет нашу ситуацию, пан Фишл?

Фишл. Почти на сто процентов. Пан майор начал сомневаться, стоит ли ему настаивать на своём первоначальном решении и держать десять заложников за одного недисциплинированного солдата, который напился на посту и тем самым подверг опасности не только себя, но и своего начальника. (Почтительно склоняется) И эти сомнения майора я, разумеется, активно поддержал!

Томко. А результат?

Фишл. (немного помолчав). После полуночи майор из-ме-нил своё решение!

Шустек. Изменил?

Аптекарьша. Это значит, что все мы...

Фанка. ...что всех нас отпустят?

Фишл. Пока ещё нет... (замявшись) ...и к сожалению не всех...

Томко. Пожалуйста, говорите яснее!

Фишл. (вытирает потный лоб и с трудом ищет слова). Если по прошествии ночи... убийца не найдётся... майор не будет настаивать на наказании всех десятерых, он потребует только... (в нерешительности вздыхает) наказания одного из вас...

Фанка. Одного?

Фишл. Да. (Вытирает лоб). Майор считает, это укрепит дисциплину. Солдаты поймут, что на полную защиту может рассчитывать только тот, кто... (Запинаясь.) Но для вас существенно только лишь одно: девять человек будут освобождены

Томко. (в полной тишине). Кто эти девять?

Ондрей. И кто будет... этот один?

Шустек. Действительно... действительно вы помогли! (благодарно бормочет) Извините, извините меня пан Фишл.

Томко. (требовательно) Кто же будет этот один?

Фишл. Это... это уже зависит... (Говорит с трудом, заикается.) ...Только от вас.

Томко. От нас?

Фишл. Майор предоставляет вам... полную самостоятельность.

Томко. Мы сами должны?.. (В ужасе.) Нет, я не верю! Это не возможно!

Фишл. Девять будут освобождены. (В отчаянии.) Вы слышите? Девять отправятся домой!

Бродяга. Домой... домой! (Пытается говорить спокойно.) А мы спрашиваем, кто будет тот один... кто останется?

Фишл. (со стоном). Большого мне добиться не удалось.

Ондрей. Что вы с нами делаете? Какую страшную игру... вы... (Потрясён.) Мы что же должны написать свои имена на бумажках. Бросить их в шапку... и вытащить затем... ту единственную?!

Шустек. Нет... ни за что... никогда! (Он дрожит всем телом.) Я не доверяю свою жизнь воле случая... Я её не в лотерее выиграл.

Угрик. Успокойтесь, пан доктор. Мы не допустим никакой случайности... (Ондрею.) И никакой шляпы нам не понадобится!

Шустек. Вот как?

Угрик. Не понадобится! (Твёрдо Фишлу.) Тот, кто убил солдата среди нас.

Фишл. Здесь?

Угрик. Да, здесь в подвале... Это один из нас!

Томко. Угрик не смейте!

Угрик. Пан Фишл, тот нож...

Томко. Замолчите Угрик! Вы не знаете, что вы...

Фишл. Дайте ему договорить, пожалуйста!

Угрик. Ладно, больше я не скажу ни слова. Я не... Если он мужик, пусть признается сам.

Постепенно все взгляды устремляются к Бродяге, как к магниту, как к центру притяжения.

Фишл (растерянно). Какой мужчина... Какой нож?..

Бродяга. Вот этот. (Достаёт из кармана нож и бросает к ногам Угрика.) Ну что доволен, падаль?

Угрик (поднимает нож и почтительно поддодает его Фишлу). Не был ли это случайно... тот нож?

Фишл (рассматривает нож). Да это был точно такой же... Точно такой же охотничий нож с ручкой в виде горной лани!

Угрик (выпаливает). Точно такой... с ручкой...

Фишл. Но это не тот нож.

Угрик. Как не тот? (Кричит.) А вы откуда знаете?

Фишл. Тот нож остался в теле солдата... Он не смог его вытащить.

Марика. Ах, вот почему он так страшно кричал!

Фишл. Тот нож находится в комендатуре, пан Угрик. (Возвращает ему нож.)

Бродяга медленно приближается к Угрику, тот отступает. Наконец Бродяга выхватывает у него свой нож.

Бродяга. Свинья! Подонок! (Кажется, он вот-вот ударит Угрика, но лишь плюёт ему в лицо.) Вонючка!

Угрик (вытирает лицо). Я... я это запомню. Ты ещё пожалеешь!

Томко (горько Фишлу). Страшное семя вы посеяли... страшное, чудовищное...

Фишл. Я... я... я только хотел помочь. Что касается майора, то это максимальная уступка. Ведь первоначально...

Томко. Максимальная жестокость, пан мой.

Фишл (удрученно). Так вы... отказываетесь?

Ондрей. А вы ожидали, что мы согласимся?

Шустек. Заткнись, сопляк! (Всеми.) Люди, не теряйте голову. Как-нибудь договоримся. Зачем погибать всем десятерым, когда им достаточно одного?!

Тишина.

На остановке ОРЛЁНОК вышел Пельмень и на его место сидится знакомый с РМЦ. С ним и со всеми мужиками в маршрутке обсуждаем жуткую новость – охрана не пустила на территорию комбината рабочего, как уволенного. Мужик пошёл в управление, чтобы объяснить, найти понимание и солидарность. Но его и в управу не пустили, и никто с ним не захотел разговаривать. Находясь в состоянии шока, безвыходности и отчаяния работник повесился на высоком железном заборе напротив управления. Тут все вспомнили, что наш новый управленец, доктор технических наук – полный «профан» в производстве и в металлургии. Весь комбинат знает об аварии в ККЦ, которую спровоцировало руководство. К счастью обошлось без массовых жертв. Ожог получил один водопроводчик. При коммунистах по этой аварии начала бы работать прокуратура. А тут, директорат свою вину быстро забыли и приказом по комбинату наказали всех старших рабочих. Послушал попутчиков и рассказываю – как только это «спец» появился, у нас в сортопрокатном цехе стали пробовать лизинг – прокат в два ручья с одной заготовки. Гендиректор не стал разбираться подходит нам лизинг или нет. Дал команду и всё. Ох, и вымотались и наморозились мы с этим лизингом. Несколько попыток в разных вариантах отняли много сил и в итоге: мы все в цехе поняли, что для такого проката нужен современный стан со своей технологией, а не стан, который за 50 лет довольно таки серьёзно поизносился. Сейчас всё, что связано с лизингом сейчас валяется по всему цеху, как металлолом. Затем голову директора ветром занесло идею размотки катанки. В лютый мороз забросили основное производство и все силы ушли на ноу-хау генерального. А результат: ещё одна идея лопнула как «мыльный пузырь» и столько сил потрачено в пустую.

– А как он появился здесь?

– Наверно, владелец компании шел в Москве по улице, видит: бомжик валяется. Дай, думаю, попробую сделать доброе дело. Подходит к бомжику и говорит: «Хочешь быть директором большого завода и зарабатывать много денег?»

– А как я буду директорам, кто мне поверит? И что я там буду делать?

– А делай, что хочешь. А чтобы чувствовал себя уверенней, вот тебе удостоверение доктора технических наук. Так нормально?

Все смеются юмористу. Молодец! Вот последний поворот и конечная остановка у Центральной проходной. Выхожу последним и говорю водиле: «Спасибо друг».

На трамвайной остановке много людей. Все стоят, ждут и мёрзнут. Закрываю шарфом свои щёки и нос. Натягиваю капюшон. Идти до цеха минут 30—40. Если быстро работать ногами и руками – не замёрзну. Жаль только, что ещё в маршрутке ступни начали покрываться льдом. Да ладно. Прорвёмся!

Встретил Людмилу на автостанции в Еткуле. Я там ждал автобус на Селезян, вёз знакомить с родителями свою будущую. Людмила была, как всегда в окружении кавалеров, но она не обращала на них внимание. По ней было видно, что она очень хотела, чтобы я повёл себя порешительней. К тому, же я чувствовал, мой ангел пытался меня остановить с выбором и обратить всё внимание на Людмилу. Почему я не послушался? Ну почему не послушался!

Приезжаю на репетицию, а её отменили. Людмила тоже не знала, и мы вдвоём на сцене. Ходим по кругу, разговариваем, ждём – может, кто ещё подойдёт. Смотрю на Людмилу, – какая она приятная, домашняя, чуть ниже среднего роста, почти кругленькая, с большими добрыми глазами. Чтобы не молчать, высказываю Людмиле свою мысль о спектакле. Владимир Сонин – добрый, безкофликтный режиссёр, но он не верит, что мы, любители можем играть на хорошем уровне, что мы можем сделать живой спектакль.

Походили, пождали, спустились в гримёрную – закрыто.

– Пойдём в кафешку, угожу тебя чем-нибудь вкусненьким.

На столе у нас два стакана вкусно чая из жженого сахара и две корзиночки с грибочками. Сидим друг перед другом, молчим.

– Ну, что, давай, за нас с тобой!

– Хороший тост, Людмила. Давай, за нас с тобой!

Чокаемся, пьём чай, едим пирожное. В это время в кафе входят человек пять местных блатных и, увидев Людмилу, подсаживаются к нам. Легко понять, что они давно знакомы. Людмила им улыбается, со всеми целуется. И когда они все уходили, то двое обнимали девицу за талию и погладили её ниже пояса. Я остался за столиком. Трус!

Показались огни цехового административно – бытового корпуса. Иду быстрее. Ступни, конечно, заледенели. А вот нательная рубашка вся мокрая от пота. И волосы под шапкой тоже. От того, что глаза на морозе слезятся, ресницы покрыты льдом. В душевой не все льдинки легко снимаются с ресниц. Ничего, сейчас под горячим душем растают.

Стою, наслаждаюсь потоком горячей воды.

День премьеры совпал с моей рабочей сменой. Я за месяц договорился, что меня отпустят. Но в этот день всё поменялось и мне пришлось выйти на работу. Я выпросил у мастера три часа: он согласился, при условии, что на стане всё будет нормально. В самую важную минуту заклинило глобоидный редуктор на правом холодильнике – замена часа четыре: всё – спектакль мимо! После того как стан загрузили, бегом в душевую и всякими транспортом до Дворца Культуры завода железобетонных изделий. Зрительный зал почти битком. Сажусь на свободное место с краю. Вижу, что Сонин спасает спектакль профессиональным актёром. Тоже не плохо.

Томко (бежит к лестнице). Угрик... Вернитесь! Вернитесь немедленно!

Угрика не видно. Он уже скрылся в темноте. Слышен только его резкий голос.

Угрик. Вас уже мучит совесть? Ну, по крайней мере, вы хоть теперь знаете, что она у вас есть...

Скрежет ключа в замке, дверь открывается, в последний раз поёт колокольчик. Затем – быстрые шаги, удаляющиеся по невидимому коридору. И вдруг откуда-то с улицы доносится короткая автоматная очередь. Тишина. Люди в подвале замерли.

Старик (уверенно). Нет... его не... (Глядя на неподвижное тело Бродяги.) Только вот этого беднягу жалко...

Ондрей. Мы даже не знаем, кто он был...

Томко (тихо.) Он был странник в пути... (Смотрит вверх, в темноту лестницы, куда ушёл Угрик.) Они были... наши братья... Наши несчастные братья...

Занавес

Робкие одиночные аплодисменты переросли в гул. Сдерживаю себя от порыва бежать в общую гримёрную. Понимаю, что теперь там я лишний.

Захожу в оглушительный рёв стана, вдыхаю аромат мазута и железа. В связи с морозами попросили плановую остановку не задерживать. Осматриваю муфты приводов. Меняю подработанный нож на летучих ножницах. После того, как загрузили стан, мастер просит всех слесарей зайти в дежурку. Когда все собрались, он внимательно смотрит на каждого, опускает глаза и поднимает.

– Так, мужики, плохая весть. Пришло распоряжение – сократить ещё одного слесаря. Я не могу принять решение, поймите меня правильно. На оперативке у начальника цеха я сказал, что нужно отменить этот указ, нужно изменить отношение к службам. У нас нет ни подшипников, ни болтов, ни карданов. И главное, катастрофически не хватает слесарей. Нельзя проводить сокращение на стане. Вы знаете, что он мне ответил? – «Ты мне нагло врёшь. Всё у тебя есть и слесаря у тебя бездельники, целыми сменами сидят на лавке». Вот и поговорили. Что я могу поделать, вы сами видите, кто нами руководит. Что гендиректор, что начальник цеха, что начальник ЦТО – не «спецы».

– Слушайте сюда.

– Говори Петрович.

– Когда я работал в Магнитогорске: там нет такого, чтобы начальником назначали гастролёра, который цех в глаза не видел и не знает элементарных вещей проката, я уже не говорю о специфике. Там, в Магнитке, все руководители проходят все ступени производства, начиная от ученика рабочего, и они на своей шкуре знают, что реально нужно, чтобы стан успешно катал. Наш стан за 49 лет так поизносился, что еле-еле выдерживает нагрузки, а если руководители – гастролёры, что они понимают в нём и чем они могут нам помочь, если не знают цех? Стан с трудом покрывает заказы, а наш новый босс каждые два, три месяца шлёт наверх рапорт, что под его «чутким руководством» стан опять установил новый рекорд по прокату. Над ним все смеются: ведь понятно, откуда берётся рекорд. Посмеялись, а он своего добился. Уже известно, что должность замдиректора по производству у него в кармане. У нас, как на Чертовом колесе – занял в кабине место, круг сделал, нагадил цеху – пошёл на повышение: следующий. Для них важно карьера и власть. Сел в кресло и давай морально давить и унижать подчинённых, а за что? – сверху подскажут за что. В общем, мужики, мы в большой «заднице».

В дежурке зависла зловещая тишина.

– Саня, налей мне воды из чайника. Спасибо, друг. Слушай, Сергеич, а ты можешь мне объяснить, в чем необходимость сокращения, а? Ведь стан работает с перенагрузкой, пусть с лже-рекордами, со стана и из работяг выжимают последние соки. Так, в чем дело? Ты нам можешь это сказать? Неужели ЦТО создали, чтобы экономить на слесарях и оборудовании? А потери в прокате они не захотели посчитать?

Оглядываю всех своих. Глаза у мужиков грустные и злые – никто не желает себе оказаться на улице, без денег в кармане. Похоже, крайним будет молодой Дениска, у него перекосы

с дисциплиной. Но он старается, учится терпеть и года через три обрастёт мясом и будет толк. Я вспоминаю себя молодым – сколько «крови выпил» у своего бригадира, а он всё прощал мне, ни разу не повысил голос: на четыре дня упал в стакан, когда брат из Афгана вернулся – тогда мне никто и слова не сказал. Отношения между руководством и работягами были другие. Смотрю на Антоныча.

– Ну, что Валентин Антоныч, пора нам с тобой наверно заканчивать. Как считаешь? Всё равно не видать нам с тобой светлой старости. Ах, да! Извини друг. Как самочувствие у Ирины Степановны? Что-то давненько мы не ели её вкусных пирожков. Да не маши ты рукой! Выздоровит, вот увидишь. Запиши Сергеич меня. Я думал, пока ноги ходят, буду работать на стане, даже бесплатно.

– Сын говорит, что у них препод в универе сказал, что Москва в 13 веке «снюхалась» с Ордой и сохранила татаро-монгольскую систему поборов до наших дней. Что, разве не так? Все деньги уходят в Москву. И им там наплевать на комбинат и на нас.

– Дожили мы с тобой, Антоныч. Помнишь, на комбинате работало 35 или 40 тысяч человек и все получали достойную зарплату. Комбинат сам строил целые жилые районы для своих рабочих. 5—10 лет отработал – получи новую квартиру. Бесплатно! Чего молчишь? Вспомни, сколько раз мы отмечали всей бригадой новоселье!

– На днях видел в интернете сообщение – на японском заводе рабочих заменили роботами и 20 тысяч человек остались без работы. 20 тысяч остались без средств существования. Когда человек работает, он занят полезным делом и что самое главное: он нужен всем, своей семье и самому себе, так ведь? А раз не нужны, то надо эти 20 тысяч и их семьи посадить на плот, пустить в море и ракетой по ним, чтоб не мучились. Так ведь, раз правительство Японии считает этих работяг мусором. Так и у нас тоже надо делать: раз президент с премьером и вся Госдума одобряют выброс людей на улицу, так пусть всей компанией приезжают с ружьями и отстреливают ненужных вместе с их семьями. Или деревянные виселицы на Управе поставят, чтоб железный забор не упал.

– Ряды работяг редуют, зато управленческий аппарат не сдаётся, бьются из последних сил, идут в наступление и побеждают.

– Василич, ты горячишься, и в интернете часто врут. Есть такой целитель Норбеков. Он всем странам и их правителям предложил помочь жителям улучшить зрение и навсегда избавиться от очков. Все жадные и все отказались сразу: никто ему не поверил. Японское правительство решило проверить Норбекова, провели эксперимент и, действительно: 80 или 90 процентов очкариков стали нормально видеть без очков. Но Норбекову отказали – потому, что без работы останутся рабочие фабрик по производству очков.

– Да, Иван Василич, это скорее «утка» про 20 тысяч. В Японии, если у компании дела идут не очень, то директор и всё руководство отказываются от своей оплаты в пользу рабочих: только чтобы сохранить людей, производство, своё лицо.

– Так вот в чем причина сокращения – наши наглые боссы никак ненасытятся. По ихнему: что-то не так с продажей металла – виноваты те, кто его производят, кто же ещё? Обложили себя богатством и почестями, а тут инфляция, да курс доллара, да санкции. Как спастись? Да просто – выкинуть на улицу, на голодную смерть сотню работяг и опять всё станет в шоколаде. И никакой управы на хозяев нет. И никто за рабочего не заступится! А у наших профсоюзов «очко» всегда намылено. Что же происходит у нас в стране? Что оставляем мы нашим детям и внукам, а?

Тишина. Все громко молчат.

– Вчера встретил Валю-крановщицу. Просила всем передать привет. Она была со старшим сыном Андреем. Андрейка остаётся в армии. Понравилась ему служба на подводной лодке. Он показал фотографии Камчатки – как мужики там красиво! Говорю ему: «Андрейка, подари снимки. Ты себе ещё сделаешь». Нет, не дал. Да ладно.

– А зачем гендиректор к себе нашего начальника? Неужели он не видит, что этот не «шарит» в прокате?

– А зачем гендиректору специалист, если он сам «баран» в этом? Он выпишет этому «бультерьеру» карт-бланш безнаказанности и поставит главным над всеми цехами, как Берия у Сталина. Что, не так что ли?

– Я вот всё думаю про Андрейкину подлодку. Хорошо наверно, там.

– А представляешь этих наших троих боссов поставили бы командирами подлодки. Гендиректор покрасил бы всю субмарину в ярко-оранжевый цвет.

– Кто знает, зачем всё на комбинате покрасили в рыжий цвет? Мы что теперь, входим в тайной массонское братство Союз Рыжих?

– Отсталый ты человек, Коля. Согласно последним разработкам российских учёных сделан выдающийся рывок в нанотехнологии – оранжевый цвет активно повышает эмоциональное состояние окружающих и работоспособность, понял? То есть теперь тебе не зарплата будет, а посмотрел на рыжий стан и давай с большим желанием биться за металл. Так-то вот.

– Да, наш гендиректор покрасит и субмарину ярко-оранжевый цвет и выйдет такая оранжевая подлодка на боевое дежурство, а в неё сразу влюбятся все киты и кашалоты.

– Ей надо всплыть на секретном задании, а киты сверху держат, не пускают. Ха-ха-ха.

– А вернётся с задания – вонючая, вся в слизи и в засосах.

– А наш босс каждый день будет слать в штаб секретное сообщение: «Я подбил вражескую лодку! Я подбил вражескую лодку!»

– А другой шеф уберёт все люки и перегородки, выбросит из лодки всё оборудование и зальёт основание бетоном – красиво! И быстро погружается. А командиром ядерного комплекса поставят какого-нибудь «синяка» – художника-авангардиста.

– Сегодня утром перед сменой спускаюсь с душевой, смотрю: Иван с проволоки тоскливыми глазами смотрит на двери здравпункта. «Что, смотришь? – говорю ему, – Теперь вместо здравпункта – закусочная. Титькастые отёкушки будут пиво с рыбой продавать, понял? А на операционном столе – траходром! И это всё, Ваня, для того, чтоб ты не болел и здоровым пришёл на работу».

– На двух горячих станах мы же все с ожогами, с переломами и не по одному разу. Этот гендиректор совсем тупой. Как мы без врача?

– На подводной лодке тоже врача уберут. Заболят у кого зубы, не можешь терпеть – 200 метров до поверхности и 10 тысяч километров до родной гавани – плыви родной.

– Сане пальцы оторвало на клапанах, куда бы он делся сейчас? А ведь больно-то как!!! Я бы в кабинет гендиректора побежал и задушил бы там вредителя.

– Ты что, не знаешь, что этот «спец» создал свою заводскую полицию. Денег на врача нет, а на «шакалов» и на новую тачку для них – сколько угодно. Начальник его полиции – второй человек на комбинате после директора. И пустят он тебя! Разуй свои глаза. А про врача – действительно маразм. Витя у 23 поста в 11 часов помер – забыли? Семья, дети остались без кормильца. А будь свой врач на своем месте, то отправил бы Витю домой или вызвал скорую. И не умер бы специалист, много лет проработавший на стане. А что изменилось после его смерти?

– Всё, мужики, хватит. Идите, работайте, обеденное время кончилось. Дмитрич, останься на пару минут. Петрович, заberi со склада последние деревянные подшипники.

– 21й век, а мы с подшипниками растительного происхождения. Стыд-то, какой! Да и зачем они мне, толку от них мало – две штуки упадут на него и всё: сломан.

– Мне не надо это говорить. Ты иди и начальнику ЦТО объясни.

В дежурке остались с мастером вдвоём.

– Не ожидал я от тебя такого, Димыч. Ты уйдёшь – нам всем тяжело будет. Но с другой стороны, они же понимают, кого теряют, и может, отменят своё решение. Что ж ты, Артур

Дмитрич отказался тогда от медали, а? Нас подвёл и сам без награды. Сейчас бы уволился, и пенсия была бы в два раза больше.

– Знаешь, если бы вы привезли бы медаль, я бы наследующий день уволился. Всем достаётся, а я тут красавец с красивой медалью – позорище. И ещё: уходить самому очень горестно, правда. И не в деньгах дело. Даже не знаю, как без завода жить буду. Да ладно, прорвёмся!

Скоро конец смены. Время тянется медленно. Сидим с напарником пьем чай.

– Слесаря на холодильник!

– Настя, что случилось?

– Не пойму сама. Клапана срабатывают, а штуки не сбрасываются.

– Ясно.

Одеваем телогрейки, шапки, каски, двойные рукавицы и на выход. Говорю Сане, чтобы шёл к кулисе, а я пробежусь по тяге. Спускаюсь вниз и, освещая фонариком тягу, иду к кулисе. Вся тяга до самой кулисы – целая. Осматриваем крепление кулисы и ролик. На ролике развалились подшипники – это и есть причина. Санька отправляю за тросом, ключами и кувалдой. Поднимаюсь наверх, показываю 31-му посту: «Вызови кран на кулису». Бегу к началу холодильника за роликом. Навстречу наш мастер.

– Борис Фёдорович, а ты что домой-то не ушёл? На правой кулисе ролик сломан. Меняем. Я же говорил Вам про этот ролик. Почему не поменяли?

– А кто его будет менять? Некому! В плановую Сергей с Лёхой провозились с 92-м клапаном и на ролик уже не было времени. Думали, доедем до завтра.

Подготовка к замене. Санёк держит подставку, я бью по ней кувалдой. Палец под роликом не выбивается. Жуткий мороз, исходит и от большого холодного железа. При прикосновении со стальным морозным корпусом в кожу впиваются мертвой хваткой тысячи иголок. Вокруг нас белый туман, который мы надышали. Сейчас замёрзнем. Смотрю на мужиков – состояние близко к безвыходности и панике. Должно быть какое-то решение. Громко говорю:

– Говорила мне мама, учись сынок на гинеколога: и деньги будут и руки в тепле.

Санёк заулыбался. Борис Фёдорович хохочет в голос. Гляжу на них и смеюсь с ними. Снимаю рукавицы и сильно хлопаю голыми ладонями в ладошки, чтобы как-то разогреть руки. Одеваю рукавицы

– Борис Фёдорович, дай краном чуть вира. Оп. Хватит. Санёк, держи ровнее. Вот так.

Размахнуться кувалдой, как следует, мешая корпус редуктора. Собираю все свои силы и сильно бью несколько раз по подставке. Звонкий звук сменился глухим: палец пошёл. Через 20 минут замена ролика закончилась

– Саня, ты, на сколько перехватов опускал фаркоп.

– 53

– Сделай 49.

Напарник вернулся. Вижу наверху старшего резчика

– Денис! Смотри клапана!

– Нормально? Давай сработай!

– Всё, поехали! Давай, гони «дуру»!

Обычно в парилку после смены ходят только любители попариться. Но в мороз в ней всегда битком народу. Тоже стою, толкаюсь со всеми. Мне предлагают место наверху. Отказываюсь. Вспоминаю нашего бывшего начальника цеха, Александра Павловича. Молодец мужик. Сделал ремонт во всех трёх душевых и парилки построил. Плюс – навёл порядок на станах, поднял дисциплину производства и зарплату тоже. Строгий и справедливый. Он начинал вальцовщиком на нашем проволочном стане и вырос до начальника всего цеха. Знал по имени каждого рабочего. Его все побаивались и уважали, как настоящего специалиста, как лидера, просто, как человека. Молодец, молодец, мужик! Не то, что нынешний балбес.

Залажу наверх и сразу обжигаю свои уши и нос. Быстро наклоняю голову низко, к коленям. Мужики смеются. В парилке вся кожа и мышцы сварились, а кости остаются ледяными. Пора идти мыться. Убираю черпак из ведра, выливаю всю воду на раскалённые изоляторы, быстро выскакиваю из парилки и плотно держу дверь. В дверь начинают ломиться, слышу мат и угрозы. Держу дверь ещё пару секунд и бегом в душевую.

Моя остановка. Открывается дверь маршрутки. Выхожу в ночной, морозный Челябинск. Вроде бы не замёрз, да и в прогретой маршрутке согрелся, а по телу гуляет мелкая дрожь. Ничего, сейчас, грамм 50 спиртику и всё будет просто отлично.

Захожу в квартиру. Встречает внучок и рядом прыгает радостная Чара.

– Папа, я с Чарой уже гуляла. Там на плите кастрюля с борщом. покорми Игоря: он не ел – тебя ждёт.

Улыбаюсь Игорёшке. Самым кончиком указательного пальца ледяной руки дотрагиваюсь до щёчки внука. Игорь весь съёживается

– Деда холодный!

– Да, деда настоящий Дед-мороз!

Смотрю на собаку

– Извини, Чара. На улице морозно: погуляем завтра, ладно?

В ванной горячей водой отогреваю ладони и нежно беру мальчика на руки

– Ну, что, бригадир слесарей? Пойдём кушать?

– Деда, а ты мне купишь настоящее Лего?

– Игорёк, пока денег нет.

– Деда, ты работаешь на оггромном заводе, а денег у тебя нет.

– У тебя же скоро день рождения. Покажешь, какое Лего хочешь, то и куплю, ладно?

– Полицейский участок. Полицейский участок, деда.

– Договорились.

Достаю тарелки. Разливаю борщ.

– Тебе погуще или пожиже?

Пока Игорёк изучает свою тарелку, быстро выпиваю своё 50 граммовое лекарство.

Сидим, работаем ложками, кушаем с аппетитом.

– Игорь, расскажи, как у тебя дела в садике?

– Деда, я и Катя решили пожениться. Скоро у нас свадьба.

– Даааа. Хорошая новость. Раз любите друг друга, то конечно, нужно пожениться. Это правильно, Игорёк. Молодец! Только понимаешь, какая вещь – вы поженитесь и, вдруг вы не будете больше расти. Представляешь: все твои друзья с каждым днём будут всё выше и выше. А ты и Катя так и останетесь маленькими. Поэтому, Игорёк, нужно немножко подождать. Через несколько лет ты станешь высоким, сильным. А Катя – тоже высокая и такая красивая! И тогда ты подойдешь к ней, обнимешь её и скажешь: «Катя, я тебя очень люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой». А Катя улыбнётся тебе и скажет: «Игорь – ты моё счастье!» Вот тогда у вас будет настоящая свадьба. Всё по-настоящему. Я считаю, что вот так правильно, согласен? А ты, почему мясо не ешь? Чтобы голова хорошо работала – нужно есть мясо. Давай ешь.

– Не хочу. Не буду. Я не люблю мясо.

– Ну ладно. Давай тогда, я съем.

Мою посуду и смотрю хоккей по телевизору. Игорь убежал в комнату поиграть машинками.

Через час все ложимся спать.

Укрываю внука одеялом, легонечко глажу его по головке. Жду, когда под теплом моих рук Игорь закроет глазки и начнёт засыпать. Обычно, какую-нибудь житейскую ситуацию обставляю зверюшками и получается сказка. Но, сегодня в моей голове полный провал и не думается совсем. Может от того, что чуть выпил.

Посидел рядом с мальцом. Кажется, спит. Начинаю потихоньку вставать

– Деда, а сказку?

Смотрю на него и не знаю что рассказать

– Хорошо, слушай. Только ты закрывай глазки, ладно? Жил-был на просторной русской земле Антон-богатырь. Был у него крепкий конь, широкий меч. Была у него любимая жинушка Алёнушка. Было у него много родни и много друзей. Все они вместе с Антоном много работали в поле, в мастерской, и поэтому жили все без излишества, но в достатке. Они много работали, и у них было всё для хорошей жизни. Красивые дома, ровные дороги, большие чистые парки с качелями, детские клубы и музыкальные школы. И вот однажды: поехал Антон-богатырь в гости, в соседнюю страну. Погостил, отдохнул и возвращается к себе на Родину. И видит: людей нигде не нет, дома разрушены, дороги все в ямах, детские клубы и музыкальные школы закрыты. Думал, думал Антон-богатырь, что это могло случиться? Выехал он из города и по следам на земле поскакал он в далёкую сторону. А когда потерялся след, слез Антон-богатырь с коня и присел на пенёк. Пока сидел, раздумывал, подходит к нему старичок-боро-вичок и говорит: «Знаю я твоё горе и знаю, как тебе помочь. Вон там за высокой горой живёт змей-Горыныч. Как только победишь его – откроются тебе двери пещеры, где томятся твои друзья и любимая жинушка». Низко поклонился маленькому дедушке Антон-богатырь, вскочил на коня и поскакал к змею-Горынычу. А змей его уже ждёт и началась у них битва. Антон-богатырь с разбега отрубил левую голову. Потом правую, но пал конь Антона. Осталась у змея одна большая голова. Машет, машет Антон мечом, но достать её не может. Тогда наш богатырь решил обмануть змея. Он притворился, что ранен и отвернулся от врага, а сам держит меч, смотрит на отражение на мече и видит, змей наклоняет свою голову к Антону всё ближе и ближе. Как только голова оказалась рядом, богатырь резко выпрямился и отрубил последнюю голову змея-Горыныча. Всё, Антон-богатырь победил змея. Сразу открылись две двери. Одна деревянная – в пещеру. Другая большая, блестящая из чистого золота дверь в огромный белый дворец. Почему-то Антону захотелось посмотреть, что там за золотой дверью. Заходит и видит: дорогие машины, роскошные яхты, вертолёты, виноградники, дворцы с бассейнами и с красотками на шикарных диванах. И подумал Антон: а ведь это всё теперь его. Да это всё принадлежит ему, Антону. И закружилась у нашего Антона голова. А когда посмотрел на себя в зеркало, то увидел, что сам он начал превращаться в змея-Горыныча. Только голова ещё осталась. Вспомнил Антон, что за другой дверью остались его любимая Алёнушка и все друзья. Пока думал: на Антоне слева и справа появились головы настоящего Горыныча. Решил Антон, что не может бросить русскую землю и своих родных. Быстро выскочил из дворца и бегом к пещере. И освободил всех и снова стал Антон похож на человека. Вот и сказке конец. Давай, Игорёк, спи. Тебе боевое задание: выспаться.

Сижу, жду, когда внучок уснет. Кажется, спит. Начинаю подниматься

– Деда, а ты мне меч купишь?

– Куплю. Игорёк, закрывай глазки, спи, давай.

На кухне включаю хоккей и наливаю себе 50 грамм. По ТВ играют СКА и Сибирь. Игра ни о чём. Выключаю.

Смотрю на стопку. Что-то не пьётся.

Ничего, пробьёмся: продам машину, гараж, сад. А там, видно будет. Чтобы совсем не расстроиться, боюсь думать о своём цехе и друзьях. Гоню от себя все тяжёлые мысли. Наверно, как спасение было бы, если бы сейчас напротив меня сидела Людмила. Да, Людмила. Её тёплые, полные ласки и нежности, глаза. Смотрю на неё. Беру её за руки

– Франтишка... Растрёпка...

– Деда, я пить хочу.

– Куда босяком! Быстро на диван.

Укрываю мальчика своим одеялом и встаю, чтобы налить полкружечки тёплой кипячёной воды.

– Деда, я с тобой буду спать!

– Хорошо, товарищ майор.

Беру малыша наруки. Игорёк опустил свою голову на моё плечо. Начинаю медленно ходить по коридору на кухню и обратно. Нежно глажу внука по спине и тихо, так, что слышит только он, напеваю:

Не слышны в саду даже шорохи...

Через некоторое время сижу на кухне один; пальцами медленно вращаю стопку со спиртом.

Раз уж налил, не выливать же обратно. Выпью. Так, за что пьём? За всех друзей, за всех их жен, детей и внуков; за то чтобы кончилась наклонная горка и что бы все взамен хуже, стали жить лучше и лучше; чтобы дочь нашла себе работу с честной зарплатой; чтобы мой Игорёшка с Катей и все детишки выросли здоровыми и вошли в хорошую взрослую жизнь и чтобы ничто не мешало им любить и радоваться жизни! Возможно ли, что такое исполнилось? Конечно же да, если наши «драконы» посмотрят на себя со стороны и решат вернуться в человеческий облик. А если нет, то тогда ради нормальной жизни наших детей придётся взяться за меч и у кое кого кое что-то посесть.

Ну, давай...

Старик Хоттабыч

На улице тёмная летняя ночь. Город давно уже спит. Сажу на кухне над кружкой, вдыхаю аромат чая «Ахмад» и жду, когда немного остынет. Всё время думаю о тебе. Сегодня в смене меняли кардан на выходной клетки. Кран сделал вира чуть больше, чем нужно. Я сверху поправлял кардан, и тросом пережало руку. Руку быстро выдернул, рука целая, хоть и было больно. Но меня сильно поразило то, что в тот самый момент в голове, как выстрел, ни Боже, ни мама, а ты. Я на очень глубоком подсознательном уровне, на инстинкте просил о помощи именно тебя. И это уже не первый случай, когда ты приносишь мне удачу!

Сейчас, конечно, спишь. Я вспоминаю твои глаза и ресницы. Вот бы хоть на секунду побывать в твоей комнате, хоть одним глазом посмотреть, как ты спишь. В раздумьях слегка потираю кружку с горячим чаем. Небольшой дымок над столом материализовался в моего знакомого – старика Хоттабыча. О, этому оптимисту я всегда рад. И с ходу:

– Паха, в чём дело? Давай туда.

Не ожидал его увидеть, но киваю головой. И вот мы в маленькой тёмной комнате. Здорово! Вижу кровать и тёмные очертания твоей головы. Не могу разглядеть твоё лицо и глаза. Жду, когда глаза привыкнут к темноте, и, кажется, вижу. Со своим приятелем общаемся мыслями, не открывая рот. Это возможно только с ним, то есть у меня светит в голове мысль – Хоттабыч её понимает. Отвечает тем, что подумал в ответ, и я уже знаю что.

– И это то, что ты хочешь? Ты меня удивляешь.

– Да, только это. Выручил меня! Спасибо!

– А, что хочет эта молодая особа?

– Не знаю. Простого счастья, конечно. Магия тут ни к чему.

Поворачиваюсь к приятелю и,

– На тебе майка питерского СКА? С каких пор это тебя побудило стать фанатом СКА? Ну, ты даёшь! Что ты понимаешь в СКА и в хоккее?

– Завтра, нет уже сегодня со своим новым другом Димой, третьеклассником из города Североуральска будем во дворце «Юбилейном» будем болеть за наш СКА в игре финала против ЦСКА. За СКА играет величайший из величайших, умнейший из умнейших – Илья Ковальчук! Так сказал Дима.

– Да, ты хоть знаешь, что ЦСКА ведёт в серии 3:0, и даже по игре шансов у СКА никаких!

– Ну, мы это, ещё посмотрим у кого какие шансы.

– А почему, ты «Трактору» не помог против «Динамо»?

Старик округлил глаза и поднял брови.

– Трактору?!?!?

Вижу, в голове у него всё выпадает в осадок и сейчас пойдёт дымок. Срочно спасаю бедолагу.

– В Челябинске при большом заводе-гиганте, который делал трактора, была хоккейная команда мастеров. Она и называлась «Трактор». Сейчас с заводом, не знаю что, а вот хоккейная команда осталась «Трактором». Понятно?

Вдруг кровать начала скрипеть, и заметно шевеление одеяла. На поверхности показались руки, и ты поворачиваешься. Ещё не хватало, чтобы проснулась и увидела перед собой два привидения.

– Бежим отсюда, нет, летим через форточку, нет, ко мне на кухню!

Из кружки на столе по всей кухне разошёлся аромат моего любимого чая. Стол завален всякими сладостями и фруктами. Говорю вслух:

– Здорово у тебя всё получается, и главное всё настоящее. Ты лучший волшебник!

Старик улыбается, ему нравится, когда его хвалят. Смотрю на всё и понимаю: мне нужно другое. Подхожу к приятелю, обнимаю его:

– Спасибо тебе. Я очень рад встрече с тобой. Пойми, мне нужно идти. Мы ещё увидимся, ладно?

По проспекту проезжает одиночная машина. Поднимаю руку, машина остановилась.

– До жэдэ вокзала подбросите?

– Нет, я в другую сторону, на ЧМЗ. Ну ладно, садись.

Сюзанна

В этом рассказе все кружева моей фантазии соприкасаются с известными историческими личностями. Я склоняю голову перед героями за их жертвенную любовь к своей Родине и искренне ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ за вымысел, который, на мой взгляд, может оказаться решением интересной исторической загадки. Это мысль неожиданно появилась по причине любви к одной-единственной женщине. Получилось так неожиданно.

У тебя всё нормально? Тогда поехали...

Хорошо спится в машине, в движении приходит лёгкость и покой. По радио заиграли «Always». Достаяю до прокрутки, делаю чуть громче. Сладко потя-я-ягиваюсь в кресле, приготовился слушать. Как хорошо! Но вот по инерции потянуло чуть вперёд и ещё сильнее влево. Почувствовав мой взгляд, приятель заговорил:

– Мы ненадолго.

Начинаем спускаться вниз. Без всякого желания поднимаюсь.

Ничего себе! Город в тазике. Страна лилипутов. А посередине гора.

– Я тут заеду кое-куда, погуляешь с часик, ладно? Там, за «Ласточкой», есть кафешка. В общем, созвонимся.

Машина начинает останавливаться.

– And I know when I die, you'll be on my mind. And I'll love you – Always.

– Я знаю, когда я буду умирать, я буду думать о тебе. И буду любить тебя – всегда.

Звучат последние аккорды. С ощущением грандиозного открытия открываю дверь и опускаю ногу на асфальт неизвестной планеты. Какая тишина! Какой необыкновенно чистый свежий горный воздух! Как это дорого жителю мегаполиса! Сами горы, здорово!

Ах, оставьте не нужные споры.

Я себе уже всё доказал.

Лучше гор могут быть только горы,

На которых ещё не бывал.

Восхищённый всем, хожу по чистым улицам небольших домов. Красиво! Удивительно: горы и дома на склонах гор. Как люди там живут? А как спят? Наверное, привязывают себя к кровати, чтоб не скатиться. Вот и кафешка. Вкусно пахнет беляшами. Беру разнос и к раздаче. Выходит молоденькая и такая красивая девчущка! Что со мной сегодня? Я не перестаю удивляться. Не сон ли это? Такие большие жизнерадостные глаза, кругленькие мягкие сочные губки, милая улыбка, и пуговица на рубашке не застёгнута.

– Привет, у Вас ещё осталось то, что так вкусно пахнет?

– Да, конечно. Вон их сколько, свеженькие.

– Вы их сами готовите?

– Да, с мамой.

– Я Павел из Челябинска. А тебя как зовут?

Девчущка сделала глазки, улыбнулась, но не смутилась.

– Саша.

– Сашенька, мне, пожалуйста, два, нет, три беляша с чаем. Я первый раз в вашем городе, пойдём посидим, поболтаем.

– Сейчас, только приберусь немного.

Саша, Сашенька, Александра, Сандра, Сандра Баллок. Сидя за столиком у окна, проглатываю один беляш, второй. Ммм, как вкусно! Тут в кафе входит ватага парней, и моя Саша, когда парни расселись за дальним столиком, подошла и села на колени одного из них, обняла его, и они даже поцеловались. Встаю. Так, держи себя в руках!

– Можно ещё один беляш?

Саша улыбается.

– Сейчас принесу.

С трудом доедаю последний и выхожу на улицу. Еле сдерживаю горечь поражения. Почему мне так «везёт»? Брожу по городу и пытаюсь перестроиться на то, что недавно восхищало. Ого, Брянский мост! Почему Брянский? На том берегу город Брянск? Может, когда мост построили, в войну освободили город Брянск? Мост из больших, солидных, толстых досок и брёвен, и он раза в четыре больше реки. Представляю, когда весной река разливается, на мосту наверно, страшно стоять. Иду по доскам моста.

Этот, может быть, муж Саши, да и парни, в общем-то, приятные. Хорошо, что сдержал себя. Пару лет назад вот так же подошёл к толпе бритоголовых и забрал у них девчонку. До этого познакомился с Наташей и у нас завязались тёплые отношения. А тут среди бичей она меня в упор не видит. Я знал, на что шёл, ладно, хоть нос поправили. Наташа была со мной, но всё-таки ушла. Она думала, что я всегда такой смелый и отчаянный, но то был разовый случай. К тому же у меня иногда пропадал слух, и в простых, безобидных ситуациях я был просто беспомощен.

Возвращаюсь обратно к дворцу. Времени ещё много. На гору что ли подняться? Обхожу дома и по еле заметной тропинке среди деревянных домиков с трудом поднимаюсь на самый верх. Отличный вид. Было бы колесо обозрения – сиди себе, любуйся красотой горного горизонта и видом города сверху. Можно не сомневаться, что по утрам жители городка здороваются с каждым встречным. В Челябинске на Северо-Западе тоже есть микрорайон, где почти все знакомы. Я узнал об этом от приятеля, с которым работаю на заводе. После 7-ми вечера, когда у учеников заканчиваются занятия в школе, открываются всевозможные кружки, секции, студии для жителей микрорайона вокруг школы. Если бы я там жил, то, наверное, занимался бы в клубе любителей бега. Обожаю бег в мороз на длинные дистанции. После такой пробежки душ и горячий чай, и – так жить хочется! Можно, конечно, было бы в бокс ходить. Не пошёл: ещё начнут долбить вместо груши. Лучше, конечно, бы в хор. Можно что-нибудь посмотреть в актовом зале или посидеть в кафе при школе, попить чайку, послушать интересных людей и насладиться мелодичными переборами гармошки старенького казака, кавалера трёх орденов Славы. Кафешка, явно не школьная столовая. Днём в ней вкусные обеды в разных вариантах. Можно заказать себе исключительное блюдо. Можно покушать здесь, хочешь – забери с собой. Скучно дома – приходи, общайся, и накормят вкусно. Есть простенькие обеды для тех, у кого временные или постоянные проблемы с деньгами на продукты. Вечером сдвигаются столы, и начинается дружеское чаепитие. Видел там главного организатора всей этой заварушки, директора школы. Женщина пожилая, седоволосая, но с горящими глазами – такая тётка продвинутая!

В школе детей учат языкам народов, которые нас окружают: китайскому, башкирскому, таджикскому и другим. На занятиях оценки не ставят, изучают по интересу.

Директор считает, что из каждого мальчика должен вырасти настоящий джентльмен. Все мальчишки с седьмого класса осваивают начальные азы бокса и борьбы. В школе работает специалист, и всё как положено: шлемы, перчатки. Перчатки в два раза больше спортивных, чтобы не мешал страх и исключить травмы.

И ещё: все школьники умеют плавать. В школе есть бассейн-лягушатник, в котором успешно учат плавать всех детей младших классов.

Кроме этого тут всё за то, чтобы мальчишки могли досыта наиграться в футбол без всяких помех со стороны взрослых и тренеров. Я слышал мнение, что одарённых футболистов у нас пока не меньше, чем в Бразилии и Италии. И видел сам, как подросток у углового флажка обыграл всех, словно Месси. Приятель сказал, что этот не один такой, они тут щеголяют друг перед другом, у кого лучше получится.

На вечернем чаепитии я много слушал, где соглашался, где нет. И вот выдал. В мире человеческих отношений и особенно в воспитании детей накопился огромный, подчас такой горестный для родителей опыт, который нельзя забывать и который должен помочь уберечь от ошибок следом идущее поколение. Именно это и нужно рассказывать старшеклассникам, а не забывать голову интегралами, которые навсегда забываются за порогом школы. И нужно ли в школе знакомить с основами религии? Нужна ли религия герою нашего времени? На пересечении Свободы и Ленина перевернулась машина и погибла трёхлетняя девочка. Никакими силами, никакими деньгами, ничем не вернуть ангелочка. И вопрос уже в том, почему вполне нормальный папа легко пошёл на безумный, роковой для всех поступок. Где ответ на этот вопрос? Бес нашептал? Все религии, имеющие тысячелетнюю историю, базируются на уверенном доказательстве существования кого-то, наделённого высшим разумом, и главная заповедь Создателя – благоразумное поведение человека. В многоквартирном доме в дыму среди ночи задохнулись две маленькие сестрички, два и четыре годика. Они сильно плакали и кричали, соседи слышали. Под утро пришла мама девочек, она всю ночь фестивалила с подругами. Кто мы на самом деле, если такое происходит среди нас? Школьный учитель целенаправленно подрывал способность старшеклассника не только учиться в институте, но и сдать ЕГЭ. Когда мама ушла на работу, мальчишка шагнул с 9-го этажа. Почему такое происходит? Полный прогресс в комфорте не может отменить реалии того, что за дружбу с нечистым придётся держать жестокий, справедливый ответ перед творцом. Может, будет правильно, если в начале первого урока все ученики всего одну или две минуты прочтут про себя молитву, каждый согласно своей религии, как обращение к Создателю. Можно попробовать другой вариант: на одну минуту открыть в начале первого урока плакаты со словами молитв всех известных религий. Пусть школьник не принимает религию, пусть не верит в Бога и не будет читать молитву. Так пусть хоть глазами прочтёт слова, обращенные к Богу. Через эти простые слова в сердце останется маленькая искорка, которая, может, поможет душе не произносить плохие слова, прогонит нехорошие мысли и не даст совершить плохой поступок.

Да, Лев Толстой – гордость русской литературы, да, обязательно нужно насладиться красотой слога русского языка и полётом мысли, но мы живём в такое время, когда каждый старшеклассник просто обязан сопережить «На Западном фронте без перемен» Ремарка. От этой книги в голове где-нибудь спрячется маленький колокольчик, и обязательно настанет время этого колокольчика, и тогда от всех стрелялок и танчиков, от всего насилия на ТВ будет просто тошнить, и душа сама попросится к своему ангелу-хранителю.

Директор школы ведёт уроки истории. Урок у неё длится минут 15—20. Остальное время – чтение исторических и приключенческих книг. И ещё, двойки на своих уроках она не ставит, заставляет даже тупиц шевелить мозгами.

Для учеников 5—7 классов раз в месяц проводятся ночные сборы, то есть в школе на ночь закрываются: директор, пара учителей, охранник и школьники. На ночь дети – хозяева своего времени: споры, дискуссии, музыка, танцы, пение – всё без всякой взрослой испорченности. А когда устают, в спортзале стелют матрасы, и взалвалку спать. Здорово!

Мне было интересно слушать рассказы Любови Ильиничны о парадоксах истории и истории средних веков Франции и Руси. Франции повезло больше. Иоланта Арагонская руками Жанны д'Арк и Агнессы Сорель спасла Францию от окончательного развала. Жанну д'Арк все знают, а то, что её вела графиня, королева четырёх королевств, мало кому известно.

И ещё, Челябинск – город металлургов. Так, сейчас посчитаем гиганты нашей металлургии: ЧМК, ЧЭЦЗ, ЧЭМК, ЧТПЗ. А сколько тысяч настоящих металлургов? Спроси любого из них: «Кто такой Павел Аносов?» Если мы достойны памяти своих прямых предков, то вместо памятника Ленину на главной площади должен стоять золотой памятник Павлу Аносову. После общения в школе нашёл в отцовской библиотеке книгу об Аносове. Директор права!

Заметно, что во дворах чисто. Приятель говорит, убирают школьники, и ещё сказал, что на заработанные деньги его дочь с классом объездила весь Урал. Нормально. Да и кто бросит окурки, если знает, что убирает его же ребёнок?

На остановке стоит щит школьных объявлений. Да у них и лапта есть, и городки! В футбол играют 30 команд, то-то там целый улей болельщиков. Пропускают больше всех китайцы. Наверное, пока они поют свой гимн, забивай им, сколько хочешь.

Как-то дежурство в школе у приятеля совпало с его вынужденной сменой и моим выходным. Вызвался подежурить за него, хотя и без нас мужиков хватает. Участковый прочитал, что можно, что нельзя; получаем жетоны, и вот стою в сторонке, охраняю танцальки – попрыгальки-обниманки. Народу много, в основном молодёжь, есть пожилые, да и дети под ногами вертятся. Парни играют знакомые вещи АРИЭЛЯ, БИТЛОВ, БОНДЖОВИ, ДДТ, ЧАЙФА. Когда выдали «Орган в ночи», все замирают от восторга. Голосистые пацаны! Вот бы Валерий Иванович и Борис Каплун послушали! Отец рассказывал, что ТРАКТОР и АРИЭЛЬ были главными кровеносными артериями города. В 80-м году в ЮНОСТИ АРИЭЛЬ давал юбилейные концерты. Месяца два Челябинск болел этим. 25 выступлений за 10 дней без выходных. В ЮНОСТИ побывал весь город, на каждом концерте полный аншлаг. «Пусть каждый зритель почувствует, что мы играем для него одного», – говорил Ярушин. Отец слушал концерт: музыканты выкладывались на все 100%. В тот же день пошёл на следующий, и опять на все 100. Это физически невозможно! Под фанеру тогда не пели.

На танцах спокойно. Можно пойти пообниматься с женщиной под музыку. Что-то не решаюсь, слушаю парней со сцены. К нам приближается пара. Парень высокий, крепкий шёл впереди. Он явно поддал лишнего и грубил своей подруге, которая пыталась его утихомирить. Молодая женщина сразу обращала на себя внимание своей необычной красотой. Пьяный боец врзался в толпу танцующих и сразу же был завален и уведён. Красавица осталась одна. Мы переглянулись. Какие у неё глаза! Подхожу к ней:

– Пойдём, погуляем.

Женщина немного подумала и пошла за мной. Мы одни потихоньку идём по улице. Над нами самые яркие звёзды, какие могут быть только в августе. Оба смотрим на это чудо.

– Выбери себе звезду, я подарю её тебе.

Красотка улыбнулась и рукой показала на свою звезду. Смотрю на отражение звёзд в её глазах и прижимаюсь к ней, хочу её обнять, но дама резко вырвалась.

– Понимаешь, ты молодец, что выбрала звезду, но как я пойму, где она? Ты смотрела на звезду, и я хотел увидеть её отражение в твоих глазах. А то, что чуть не обнял, так это руки сами. Я им такую команду не давал. Честно-честно!

Посмеялись, пошли дальше. Я только смотрел на неё и молчал. Говорить чушь не хотелось, а что-то умное не нашлось в моей голове. Подумал, зайдём в подъезд, поцелую, но и в подъезде я всё так же смотрел на неё. Расстались, как ушли в неизвестность.

Встреча кончилась,

Последний поцелуй.

Взмах руки и двери на прощанье.

Завтра встреча, завтра новое свиданье.

Быстро шёл, да вдруг остановился,

В тишине ночной я разом очутился.

Грустно мне.

Отчего так грустно мне?

Словно под водой на глубине,

Грустно мне.

Ботинки.

Большие чёрные ботинки.

Оседают хлопьями снежинки.

Снежинки.

Ветер-дирижёр палочку берёт

Весь в снегу оркестр лучшую симфонию

С ветром выдаёт.

Как же дальше? Куда дел тетрадь с сочинениями?

Через пару дней неожиданно встретил Олю в МОЛНИИ. Предлагаю помочь донести тяжёлый пакет. Оля встрече рада и подаёт мне сумку. Ближе к вечеру мы сидим в КИНО-МАКСЕ, смотрим грандиозный космический фильм. Фильм я смотрел одним глазом. Меня рапирало от радости: Оля рядом со мной. Обсуждая все детали фильма, мы дошли до Гагаринского парка и сели на одинокую, среди сосен, скамейку. Олю я уже обнимал, и мне не терпелось её поцеловать. И вот, когда был близок к цели...

– Подожди.

Оля открыла сумочку, достала сигареты и закурила, держа ладони лодочкой в точь, как мой дед-фронтвик. Смотрю на это во все глаза. Оля мне улыбается, но ничего уже изменить нельзя. Встаю и иду туда.

– Идиот, балбес, ты что наделал, а? Сейчас же вернись!

– Не люблю я баб с сигаретами.

– Ты посмотри, какая она раскрасивая. Она же почти готовая, а разденешь её, там-то как всё красиво, представляешь?

– Да, конечно, я к ней с лаской, с любовью, а у неё из всех щелей дым сигареты с ментолом. Всё!

Мои мысли полетели в Еманжелинск к моему дедушке Ивану. Он у нас герой. Перед войной забрали в армию в Златоуст. Дома осталась жена с тремя маленькими пацанами. В начале войны сразу попал в плен. Бежал и затем с боями до самого Берлина. Все, кто прошёл войну, прилагали все усилия, чтобы ни на секунду не вспоминать этот дикий ужас смерти. Дед терпел и рассказывал:

– Война – это самая крайняя точка человеческого безумия. Ты даже не представляешь, какое это счастье, когда можешь просто посидеть на скамейке, почитать книжку или, ничего не делая, наслаждаться тишиной и не бояться, что сейчас прилетит твоя пуля или снаряд. У меня нет сил говорить об ужасах войны, пожалуйста, поверь, это всегда страшно. Убито очень и очень много невинных людей. Нужно договариваться с врагами ради мира, ради того, чтобы не было больше войны, нужно учиться дружить с врагами. Только не война, только не убийство всех подряд.

Дед родом из Полтавы. Он был маленьким, когда уехали на вольные земли, на Урал. Но речку, родной дом хорошо помнит. Перед распадом СССР его возили в Полтаву, так там залез в речку по пояс, стоит и ревет. Слезы не останавливаются. Родина, она самое дорогое!

В сентябре 43-го подошли к Полтаве. Дед говорил своим: «В сентябре в этом городе родился, круг замкнётся». Все погибали, приходили другие и тоже погибали. Победа любой ценой, без всякого сожаления к человеческой жизни. Земля вперемешку с алой человеческой кровью и частями тел. Убитый на убитом.

Услышав звук снаряда, солдат Иван с разбега прыгает в воронку и падает плашмя, лицом к лицу с фашистом. Немец умирал от ран и не был опасен. Над головой слышен непрерывный свист пуль, нужно переждать. Так они и лежали рядом, дышали одним воздухом. Немец прощался с жизнью. Зрачки умирающего то сужались, то расширялись от боли. Немец упрямо смотрел в глаза русскому: он что-то хотел сказать. Правая рука немца начала движение. Иван резко схватил нож. Трясушейся рукой фриц медленно дотянулся до правого кармана своего кителя, отстегнул его, взялся за листок, и всё. Немец отошёл. Ивану не до фашиста, но нельзя подняться. Убрал руку ганса с кармана и вытащил письмо. Ивану стало не по себе, когда глянул

на фотокарточку. Молодая женщина и девочка обнимают счастливого очкарика – его Мелания! На фотографии жена фрица как две капли похожа на жену Меланию. Тут послышалось:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.